

Депутаты, люди германского рейхстага!

В судьбоносный момент вы, мои депутаты, собрались здесь 1 сентября этого года как представители немецкого народа. Тогда я должен был сообщить вам о трудных решениях, к которым нас вынудила несговорчивая, провокационная позиция одного из государств. С тех пор прошло уже пять недель. Если я попросил вас сегодня снова прийти сюда, то только для того, чтобы дать вам отчет о прошлом и необходимое представление о настоящем и - насколько это возможно - о будущем.

В течение двух дней наши города, рынки и деревни были украшены флагами и символами новой империи. Под звон колоколов немецкий народ празднует великую победу, единственную в своем роде в истории. Против нас выступило государство с населением не менее 36 млн. человек, армия, насчитывающая около 50 пехотных и кавалерийских дивизий, намерения были далеко идущими, уверенность в уничтожении нашего Германского рейха была само собой разумеющейся.

Но через восемь дней после начала этой битвы кости были брошены. Везде, где польские войска сталкивались с немецкими соединениями, они были отбиты или разгромлены. Смелая конструкция стратегического наступления Польши на немецкую территорию рухнула в течение первых 48 часов этой кампании. Смертоносные в своем наступлении, с несравненными маршевыми подвигами, немецкие дивизии, воздушные и танковые армии, военно-морские силы овладели правом игры. В любой момент его уже нельзя было отнять. Через 14 дней большая часть польской армии была рассеяна, взята в плен или окружена. Но за это время немецкие армии преодолели расстояния и заняли пространства, на преодоление которых 25 лет назад потребовалось бы более 14 месяцев.

Даже если бы некоторые особо остроумные газетные стратеги в остальном мире хотели представить темп этой кампании как неутешительный для Германии, мы все знаем, что в истории войн вряд ли когда-либо было более значительное достижение высшего

солдатского мастерства. То, что последние остатки польской армии в Варшаве, Модлине и Хеле смогли продержаться до 1 октября, не было результатом их эффективности, а только благодаря нашей холодной мудрости и чувству ответственности.

Я запретил приносить в жертву больше людей, чем было абсолютно необходимо. Это означает: я сознательно освободил немецкое военное руководство от мнения, господствовавшего еще во время Мировой войны, что ради престижа необходимо решать определенные задачи при любых обстоятельствах в определенное время. То, что абсолютно необходимо сделать, происходит без учета жертв. Но то, чего можно избежать, игнорируется. Для нас не было бы проблемой сломить сопротивление Варшавы, как вы сломали его 25-27 сентября, с 10 по 12. Я только хотел, во-первых, пощадить жизни немцев, а во-вторых, предаться надежде - пусть и обманчивой - что на польской стороне хотя бы однажды победит сознательный разум, а не безотчетное безумие.

Но именно здесь, в меньших рамках, повторилось то же самое зрелище, которое нам пришлось испытать в наибольших масштабах до этого.

Попытка убедить ответственное польское командование – если таковое вообще существовало – в бесполезности, даже в безумии сопротивления, особенно в многомиллионном городе, провалилась. Генералиссимус, который бежал, пусть и не очень славным образом, заставил столицу своей страны оказать сопротивление, которое в лучшем случае должно было привести к ее уничтожению. Понимая, что одни только укрепления, вероятно, не выдержат нападения немцев, город был превращен в крепость, перекрещен баррикадами, на всех площадях, улицах и во дворах установлены батарейные позиции, построены тысячи пулеметных гнезд и призвано все население принять участие в штурме. Борьба. Я просто из жалости к женщинам и детям предложил варшавским властям, по крайней мере, вывести гражданское население. Я добился прекращения огня, обеспечил необходимые пути отхода, и мы все ждали парламентаря так же напрасно, как в конце августа ждали польского переговорщика. Гордый польский градоначальник даже не удостоил нас ответом.

Я на всякий случай продлил сроки, дал указание бомбардировщикам и тяжелой артиллерии атаковать только безупречно военные объекты и повторил свою просьбу. И снова все было тщетно. Тогда я предложил вообще не обстреливать целый район - Прагу, а оставить его для гражданского населения, чтобы дать ему возможность отступить туда. Это предложение также было встречено поляками с презрением. Я предпринял две попытки, чтобы затем хотя бы вывести из города международную колонию. Этому удалось добиться со многими трудностями, а в случае с русскими - только в последнюю минуту. Теперь я приказал начать наступление 25 сентября.

Та же самая оборона, которая поначалу считала ниже своего достоинства даже отвечать на человеческие предложения, затем, однако, очень быстро изменила свое отношение. 25 сентября началось немецкое наступление, а 27 сентября она капитулировала. Поэтому не стоит проводить здесь сравнение с Алькасаром. Там испанские герои героически выдерживали тяжелейшие атаки в течение нескольких недель и тем самым по праву обессмертили себя. Здесь же они бессовестно бросили большой город на растерзание, а затем капитулировали после 48 часов атаки. Польский солдат местами храбро сражался, но его руководство - начиная с самого верха - можно охарактеризовать только как безответственное, бессовестное и некомпетентное.

Я делаю эти заявления, мои депутаты, для того, чтобы избежать создания исторических легенд, ибо если такая легенда и может сложиться вокруг кого-либо в этой кампании, то только вокруг немецкого мушкетера, который, атакуя и маршируя, вписал новую страницу в свою бессмертную, славную историю. Она может сложиться и вокруг тяжелых орудий, которые невероятной ценой спешили на помощь этой пехоте. Достойны этой легенды черные бойцы наших танковых войск, которые в смелой решимости, невзирая на превосходство и сопротивление, вновь и вновь проводили атаки, и, наконец, легенда может прославить тех смертельно опасных летчиков, которые, зная, что каждая авария, не убившая их в воздухе, должна повлечь за собой страшную расправу при спуске на землю, с

упорством наблюдали и атаковали бомбами и пулеметами везде, где был отдан приказ об атаке или появилась цель. То же самое можно сказать и о героях нашего подводного флота. Если государство с 36-миллионным населением и такой военной мощью полностью уничтожается за четыре недели, и если за все это время у победителя не возникает ни одной неудачи, то в этом нельзя видеть милость особого везения, а доказательство высочайшей подготовки, лучшего руководства и смертельной храбрости.

Немецкое воинство теперь снова надело на свою голову лавровый венок, обманным путем украденный у него в 1918 году. Мы все стоим в глубокой благодарности перед множеством неизвестных, безымянных храбрецов нашего немецкого народа. Впервые они приехали из всех регионов Великой Германии. Но кровь, пролитая ими вместе, свяжет их еще крепче, чем любая конституционная конструкция.

Осознание силы нашего вермахта наполняет всех нас уверенным спокойствием. Ведь он доказал свою силу не только в наступлении, но и в удержании завоеванного. Великолепная подготовка отдельных офицеров и солдат доказала свою силу в высшей степени. Именно им мы обязаны чрезвычайно малым числом потерь, которые, хотя и болезненны в отдельных случаях, в целом намного ниже тех, на которые мы рассчитывали. Однако общая сумма этих потерь не дает представления о тяжести отдельных боев. Ведь были полки и дивизии, которые были атакованы подавляющим числом польских частей или должны были принести очень большие кровавые жертвы, столкнувшись с ними в самой атаке. Я считаю возможным привести в качестве примера для многих только два эпизода из великой череды боев и сражений, так быстро следовавших одно за другим:

Когда для прикрытия армии генерала в. Рейхенау, наступавшей к Висле на левом фланге, дивизии армии генерала Бласковица двигались к Варшаве в шахматном порядке с задачей отразить удар центральной польской армии во фланг армии генерала в. Рейхенау, то в тот момент, когда польские армии, по существу, считались уже отступившими к Висле, их удар внезапно обрушился на марширующую армию генерала

Бласковица. Это была отчаянная попытка поляков разорвать кольцо, сомкнувшееся вокруг них. Четыре польские дивизии и несколько кавалерийских частей бросились на одну немецкую действующую дивизию, которая, будучи растянутой в стороны, должна была преодолеть линию почти в 30 км. Несмотря на пяти- или шестикратное превосходство противника, несмотря на усталость своих войск, которые уже несколько дней находились в бою и на марше, эта дивизия сдержала атаку и частично отбросила ее в кровопролитном бою, не отступила и не дрогнула, пока не подошли необходимые подкрепления. И в то время, когда вражеское радио уже торжественно передавало сообщение о прорыве на Лодзь, генерал дивизии, с перебинтованной рукой, докладывал мне о ходе атаки, о предотвращении прорыва, о мужественном поведении своих солдат. Здесь, конечно, потери были большие.

Немецкая дивизия ландвера вместе с несколькими другими частями имела задачу вытеснить поляков в северный коридор, взять Гдыню и продвигаться в направлении полуострова Хела. Этой дивизии ландвера противостояли польские элитные части, военно-морские силы, школы прапорщиков и сержантов, матросская артиллерия и кавалерия. Со спокойной уверенностью немецкая дивизия ландвера приступила к выполнению задачи, в которой ей противостоял численно значительно превосходящий противник. Однако уже через несколько дней поляки были отброшены с позиций, взято 12 600 пленных, освобождена и взята штурмом Гдыня, а еще 4 700 человек отброшены на полуостров Хела и окружены.

Когда пленные уходили, перед глазами предстала трогательная картина: победители, в большинстве своем мужчины в возрасте, многие со значком Великой Отечественной войны на груди, а мимо них проходили колонны пленных, молодых людей в возрасте 20-28 лет. Сейчас, когда я называю вам число наших погибших и раненых, я прошу вас встать. Даже если благодаря подготовке наших войск, благодаря эффективности нашего оружия и руководства наших частей это число составляет едва ли одну двадцатую того, чего, как нам казалось, мы должны были опасаться вначале, давайте не будем забывать, что каждый человек, отдавший здесь свою жизнь,

пожертвовал для своего народа и нашего рейха самое большое, что может дать человек своему народу.

По данным на 30 сентября 1939 года, которые существенно не изменятся, в армии, на флоте и в авиации погибло 10 572 человека, включая офицеров, 30 322 были ранены и 3 409 пропали без вести. Из этих пропавших без вести часть, попавшая в руки поляков, к сожалению, вероятно, также должна считаться уничтоженной и убитой. Этим жертвам польской кампании наша благодарность, раненым - наша забота, их родственникам - наше сочувствие и наша помощь.

С падением крепости Варшавы, Модлина и сдачей Хелы польская кампания закончилась. Охрана страны от бродячих мародеров, банд разбойников и отдельных территорий ведется решительно. Итогом битвы становится уничтожение всех польских армий. Результатом стал распад государства. 694 тыс. пленных начали марш на Берлин.

В 1919 г. это государство отобрало у Пруссии, а также у Австрии провинции, которые кропотливо осваивались на протяжении столетий, а в некоторых случаях и вовсе процветали. Сегодня, 20 лет спустя, они снова находятся на грани превращения в пустыню. Висла, устье которой всегда было так важно для польского правительства, из-за отсутствия ухода уже непригодна для реального движения и, в зависимости от времени года, представляет собой либо бурную реку, либо пересохшую речушку. Города и деревни заброшены. Дороги, за малейшим исключением, обветшали и пришли в упадок. Тот, кто впервые приезжает в эту страну на две-три недели, получает представление о значении слова "польская экономика!".

Несмотря на невыносимые условия жизни в этой стране, Германия пыталась установить с ней сносные отношения. В 33-м и 34-м годах я сам пытался найти некий справедливый и равноправный баланс между нашими национальными интересами и желанием сохранить мир с этой страной. Было время, когда еще при жизни маршала Пилсудского казалось возможным реализовать эту надежду, хотя и в скромных масштабах. Для этого требовалось неслыханное терпение и еще большее самообладание. Для многих польских воевод

государственный договор между Германией и Польшей казался лишь разрешением на вполне безобидное теперь преследование и истребление немцев. За несколько лет до 1922 года более 1,5 млн. немцев были вынуждены покинуть свою бывшую родину. Их гнали, не имея возможности взять с собой даже самую необходимую одежду.

Когда в 1938 г. Ольшанский край отошел к Польше, тот же метод был применен и против проживавших там чехов. Многие тысячи из них были вынуждены покинуть свои рабочие места, свои дома, свои деревни и города, не имея возможности взять с собой даже чемодан или коробку с одеждой.

Это происходило в этом государстве на протяжении многих лет, и многие годы мы наблюдали за тем, как это происходит. Всегда стремились добиться улучшения положения несчастных немцев, живущих там, путем ужесточения наших государственно-политических отношений. Но нельзя было не заметить, что каждая попытка немцев исправить таким образом плачевное положение дел трактовалась польскими правителями исключительно как слабость. Возможно, даже как глупость. Поскольку польское правительство начало постепенно подчинять себе и Данциг тысячей способов, я попытался найти решение с помощью подходящих предложений, которые могли бы присоединить Данциг к Германии в соответствии с волей его населения, без ущерба для экономических потребностей и так называемых прав Польши. Если кто-то сегодня утверждает, что это были конечные требования, то это ложь. Ведь предложения, направленные польскому правительству в марте 1939 г., были не чем иным, как предложениями и идеями, которые я лично обсуждал с самим министром иностранных дел Бекком задолго до этого. Я полагал, что весной 1939 г. смогу облегчить польскому правительству принятие этих предложений перед лицом его собственного общественного мнения, предложив ему эквивалент доли в сохранении независимости, которую хотела получить Словакия. Если польское правительство в то время отказалось обсуждать эти предложения, то это объяснялось двумя причинами:

1. стоявшие за ним разгоряченные шовинистические военные силы вовсе не думали о решении вопроса о Данциге; напротив, они уже жили надеждами, которые впоследствии высказывались в публикациях и речах, на возможность овладеть, т.е. напасть и завоевать, территорией Германского рейха далеко за пределами Данцига. И эти желания не ограничились Восточной Пруссией, нет, в потоке публикаций, в непрерывной череде выступлений, революций и т.д., помимо аннексии Восточной Пруссии, выдвигались требования аннексии Померании и Силезии, Одера в качестве минимальной границы, а в конце концов даже Эльба была названа естественной разделительной линией между Германией и Польшей. Эти требования, которые сегодня можно считать безумными, но в то время выдвигались с фанатичной серьезностью, мотивировались почти смехотворным утверждением о "польской цивилизаторской миссии". Такой настрой, за который отвечал руководящий слой самой Польши, был первой причиной отказа польского правительства даже обсуждать немецкие предложения.

Вторая причина, однако, заключалась в том злополучном обещании гарантий, данном государству, которому ничего не угрожало, но которое, теперь поддерживаемое двумя мировыми державами, очень быстро убедилось в своей способности безнаказанно спровоцировать великую державу, возможно, даже надеясь, что это создаст предпосылки для реализации его собственных выжженных мозгов. Иметь возможность реализовать свои амбиции. Поскольку Польша знала, что обладает этой гарантией, начался настоящий ужас для проживающих там меньшинств.

У меня нет задачи говорить о судьбе украинской или белорусской народных частей, интересы которых сегодня принадлежат России. Но я обязан рассказать о судьбе тех сотен тысяч немцев, которые когда-то на протяжении многих сотен лет приносили в эту страну культуру, которых теперь начали изгонять, угнетать и насиловать, но которые с марта 1939 года оказались во власти поистине сатанинского полка террора. Сколько из них было похищено, где они находятся, также не может быть установлено сегодня. В населенных пунктах с сотнями немецких жителей больше нет мужчин. Они были полностью

истреблены. В других снова насильовали и убивали женщин, насильовали и убивали девочек и детей.

Нет! Выдача гарантий этому государству и этому руководству, как это было сделано, могла привести только к самым серьезным бедам. Ни польское правительство, ни та небольшая группа, которая его поддерживала, ни польский народ как таковой не были способны оценить ту ответственность, которую несло в себе такое обязательство половины Европы в их пользу.

Поведение польского правительства в период с апреля по август этого года проистекало, с одной стороны, из этих разгоревшихся страстей, а с другой - из чувства безопасности, которое было гарантировано Польше при любых обстоятельствах. Этим определяется и позиция в отношении моих предложений по умиротворению. Правительство отвергло эти предложения, потому что почувствовало, что его прикрывает или даже подталкивает общественное мнение, а общественное мнение прикрывало и подталкивало его на этот путь, потому что правительство не научило его лучше и, прежде всего, потому что оно считало себя достаточно защищенным во всех внешних действиях.

Предупреждение о том, что надо наконец прекратить или противостоять вечным расстрелам, издевательствам и пыткам этнических немцев, привело к увеличению этих жестоких действий и к усилению призывов и подстрекательств со стороны польских воевод и военных правителей. Немецкие предложения об уступках и разумном урегулировании в последний момент были встречены мобилизацией. Просьба Германии (в соответствии с предложением самой Англии) прислать переговорщика не была услышана и уже на второй день была встречена откровенно обидным заявлением.

В этих условиях было ясно, что в случае новых нападений на территорию рейха терпению Германии теперь придет конец. То, что поляки восприняли как слабость, на самом деле было нашим чувством ответственности и моим желанием достичь взаимопонимания, если это вообще возможно. Но поскольку они считали, что это терпение и это долготерпение позволят им все, что является слабостью, то ничего не

оставалось делать, как разъяснить им эту ошибку и, наконец, нанести ответный удар теми средствами, которые они сами использовали в течение многих лет. Под такими ударами это государство рассыпалось и было сметено в несколько недель. Таким образом, был ликвидирован один из самых абсурдных актов Версаля.

Если такой подход Германии привел к общности интересов с Россией, то это объясняется не только схожестью проблем, стоящих перед двумя государствами, но и схожестью сложившихся в обоих государствах знаний об организации отношений друг с другом.

Я уже объяснял в своей речи в Данциге, что Россия устроена по принципам, которые отличаются от наших. Но поскольку стало ясно, что Сталин не видит в этих русско-советских принципах препятствий для поддержания дружественных отношений с государствами иного мнения, национал-социалистическая Германия больше не видит оснований для применения иного стандарта. Советская Россия - это Советская Россия, а национал-социалистическая Германия - это национал-социалистическая Германия.

Но одно несомненно. Как только два государства будут взаимно уважать различные режимы и принципы друг друга, всякие основания для взаимной враждебности отпадут.

Но цель проводимой мною внешней политики рейха ни в коем случае не была иной, чем обеспечение существования, а значит, и жизни немецкого народа. Устранить несправедливость и абсурдность договора, который не только экономически уничтожил Германию, но и вверг в разорение народы-победители. Для остальных же вся работа по восстановлению рейха была внутренним делом. Поэтому ни в одной стране мира не было такого стремления к миру, как у немецкого народа. Счастье для человечества, а не несчастье, что мне удалось мирным путем устранить самые безумные невозможности Версальского договора без какого-либо внутривнутриполитического обременения для иностранных государственных деятелей. Понятно, что эта ликвидация может быть болезненной для некоторых заинтересованных сторон. Но тем большая заслуга в том, что во всех случаях, за исключением последнего, новое соглашение было проведено без кровопролития. Впрочем, последний пересмотр этого

договора мог бы пройти столь же мирно, если бы два упомянутых мною обстоятельства не привели к обратному результату.

Но виноваты в этом прежде всего те, кто не только не радовался прежним мирным преобразованиям, но, напротив, сетовал на возможность мирного строительства новой Центральной Европы, причем Центральной Европы, которая постепенно могла бы снова дать своим жителям работу и хлеб.

Я уже упоминал, что целью правительства Рейха было внести ясность в отношения между нами и нашими соседями. И теперь я могу привести факты, которые не могут быть опровергнуты писаниной лжецов из международной прессы.

1. Германия заключила пакты о ненападении со странами Балтии. Её интересы там носят исключительно экономический характер.
2. У Германии и раньше не было конфликтов интересов со странами Северной Европы, и сегодня их так же мало. Швеция и Норвегия получили от Германии пакты о ненападении и отказались от них только потому, что сами не чувствовали какой-либо угрозы.
3. Германия не сделала по отношению к Дании никаких последствий от раздела германской территории, предусмотренного Версальским договором, а, напротив, установила с Данией лояльные и дружественные отношения. Мы не выдвигали никаких требований о пересмотре, но заключили с Данией пакт о ненападении. Таким образом, отношения с этим государством направлены на неизменное лояльное и дружеское сотрудничество.
4. Голландия. Новая империя пыталась продолжить традиционную дружбу в Голландии. Это не устранило разногласий между двумя государствами и не создало новых.
5. Бельгия. Сразу после того, как я взял на себя государственные дела, я попытался установить дружеские отношения с Бельгией. Я отказался от каких-либо изменений и от каких-либо просьб о пересмотре. Империя не выдвинула никаких требований, которые каким-либо образом могли бы быть восприняты в Бельгии как угроза.
6. Швейцария. Такое же отношение Германия занимает по отношению к Швейцарии. Правительство Рейха никогда даже в малейшей степени

не давало повода сомневаться в своем стремлении к лояльному формированию отношений между двумя странами. Кроме того, она сама никогда не подавала никаких исков по поводу отношений между двумя странами.

7. Сразу же после Аншлюса Югославии я сообщил Германии, что отныне граница с этим государством также будет нерушимой, и что мы желаем жить с ним в мире и дружбе.

8. С Венгрией нас связывают давние традиционные узы тесной и сердечной дружбы. И здесь границы неизменны.

9. Словакия сама обратилась к Германии за помощью по случаю своего создания. Ее независимость признана Рейхом и не будет тронута.

Не только с этими государствами Германия уточнила и урегулировала свои отношения, которые, в конце концов, были отчасти отягощены Версальским договором, но и с великими державами. Совместно с Дуче я добился изменения отношений Рейха с Италией. Границы, существующие между двумя государствами, торжественно признаются обеими империями как неизменные. Была устранена всякая возможность столкновения интересов территориального характера. За это время бывшие враги мировой войны стали сердечными друзьями. Дело не ограничилось нормализацией отношений, но впоследствии это привело к заключению тесного пакта, основанного на идеологии и политике, который оказался нелегким элементом европейского сотрудничества.

Но прежде всего я стремился детоксифицировать отношения с Францией и сделать их приемлемыми для обеих стран. Я изложил здесь с предельной ясностью все требования Германии и никогда не отступал от этой декларации. Возвращение Саарской области было единственным требованием, которое я рассматривал как неперемнную предпосылку франко-германского взаимопонимания. После того как Франция сама лояльно решила эту проблему, все дальнейшие требования к ней отпали: таких требований больше не было и не будет. Иными словами, я отказался даже поднимать проблему Эльзас-Лотарингии не потому, что меня к этому принуждали, а потому, что этот вопрос вообще не является проблемой, которая могла бы встать между франко-германскими отношениями. Я принял решение 1919

года и отказался рано или поздно снова вступить в кровопролитную войну из-за вопроса, который не имеет никакого отношения к нуждам немецкой жизни, но который вполне способен ввергнуть в несчастную борьбу каждое новое поколение. Франция это знает. Невозможно, чтобы французский государственный деятель встал и заявил, что я когда-либо предъявлял Франции требования, выполнение которых было бы несовместимо с французской честью или французскими интересами.

Но вместо того, чтобы выдвигать требования к Франции, я лишь выразил желание навсегда похоронить старую вражду и дать возможность двум народам с их великим историческим прошлым найти дорогу друг к другу.

Я сделал все возможное, чтобы искоренить в немецком народе идею о нерушимой наследственной вражде, а вместо нее привить уважение к великим достижениям французского народа, его истории, так же как каждый немецкий солдат испытывает глубочайшее уважение к достижениям французского вермахта. Мои усилия по достижению немецко-английского взаимопонимания и даже немецко-английской дружбы были не меньшими. Никогда и ни в чем я не выступал против интересов Великобритании. К сожалению, мне слишком часто приходилось защищаться от британского вмешательства в германские интересы, даже если оно ни в малейшей степени не затрагивало Англию. Я считал целью своей жизни сближение двух народов не только в интеллектуальном, но и в эмоциональном плане. Немецкий народ охотно следовал за мной по этому пути. Если мои усилия не увенчались успехом, то только потому, что среди части британских государственных деятелей и журналистов существовала враждебность, которая лично меня шокировала и которая не скрывала, что их единственной целью является возобновление борьбы против Германии при первой же возможности по необъяснимым для нас причинам. Чем меньше у этих людей технических причин для начала, тем больше они пытаются сделать вид, что их действия продиктованы пустыми фразами и утверждениями. Но я и сегодня верю, что мир в Европе и во всем мире возможен только в том случае, если Германия и Англия придут к взаимопониманию.

По глубокому убеждению я очень часто шел по пути взаимопонимания. Если в итоге это не приводило к желаемому результату, то в этом не было моей вины.

Последнее, что я сделал, - это попытался нормализовать отношения Рейха с Советской Россией и окончательно перевести их на дружескую основу. Благодаря той же мысли Сталина это тоже было достигнуто. С этим государством также установлены прочные дружеские отношения, эффект от которых будет благотворным для обоих народов. Таким образом, в целом проведенный мною пересмотр Версальского договора не породил хаоса, а, наоборот, создал предпосылки для ясных, стабильных и, главное, устойчивых условий.

И врагом этих действий может быть только тот, кто ненавидит этот порядок европейских условий и желает беспорядка.

Если же кто-то лицемерно считает, что нужно отвергнуть методы, с помощью которых в Центральной Европе был создан устойчивый порядок, то я могу лишь ответить, что в конечном счете решающим является не столько метод, сколько полезный успех.

До моего прихода к власти Центральная Европа, и не только Германия, но и соседние государства, погрузилась в бедственное состояние безработицы, упало производство, а вместе с ним неизбежно и потребление населения. Снижился уровень жизни, наступили лишения и беды. Никто из критикующих зарубежных государственных деятелей не может отрицать, что не только в старом рейхе, но и на всех ныне объединенных с ним территориях удалось ликвидировать эти признаки разложения, причем в сложнейших условиях.

Таким образом, доказано, что центральноевропейское пространство жизнеспособно только в единстве, и тот, кто его разъединяет, совершает преступление против миллионов людей. Ликвидация этого преступления - это не нарушение обещания, а моя честь, моя гордость и великое историческое достижение.

Ни немецкий народ, ни я не присягали Версальскому договору, я присягаю только благополучию моего народа, представителем которого я являюсь, и благополучию тех, кого судьба поместила в наше

жизненное пространство и тем самым неразрывно связала с нашим собственным благополучием.

Обеспечить существование, а значит, и жизнь всех этих людей - моя единственная задача. Попытки критиковать, осуждать или отвергать этот мой поступок с кафедры международного высокомерия неисторичны и лично у меня вызывают ледяной холод.

Немецкий народ назвал меня своим доверенным лицом и только укрепляется в этом отношении ко мне любой подобной попыткой иностранной критики или вмешательства.

Между прочим, я заранее вносил предложения по каждому пересмотру. Я пытался добиться и обеспечить то, что абсолютно необходимо, путем переговоров. В ряде случаев мне это удавалось. Однако в других случаях моя готовность к переговорам, а зачастую, вероятно, и незначительность моих требований, скромность моих предложений, к сожалению, трактовались как слабость и отвергались. Никто не может быть более сожалеющим об этом, чем я сам. Но в жизни народов есть потребности, которые, если они не находят своего удовлетворения мирным путем, должны быть реализованы только силой. К сожалению, это относится как к жизни отдельного гражданина, так и к жизни общества.

Принцип, согласно которому общие для всех интересы не могут пострадать из-за упрямства или даже злой воли отдельных людей и сообществ, неоспоримо верен. Я также делал Польше самые умеренные предложения. Они не только не были отвергнуты, но, напротив, привели к всеобщей мобилизации этого государства, причем с обоснованием, которое показывает, что именно в скромности моих предложений они полагали увидеть подтверждение моей слабости, а в конце концов даже страха.

Собственно говоря, этого опыта должно быть достаточно, чтобы отучить человека вообще выдвигать какие-либо разумные и умеренные предложения. Уже в наши дни я читаю в некоторых газетах, что ни о какой попытке мирного урегулирования отношений между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой, не может быть и речи и что предложение в этом направлении доказывает лишь то, что я,

охваченный страхом, вижу перед собой крах Германии и что я делаю его только из трусости или по угрызениям совести.

Если я все же выскажу свои мысли по этой проблеме, то тем самым я беру на себя право считаться в глазах этих людей трусом или отчаявшимся человеком. Я могу это сделать еще и потому, что, слава Богу, суд обо мне в истории когда-то будет написан не этими жалкими сценаристами, а установлен делом моей жизни.

И потому, что мне совершенно безразлично, как меня сейчас оценивают эти люди. Но мой авторитет достаточно велик, чтобы я мог так поступить.

Ибо от страха или от отчаяния я высказываю эти мысли, в любом случае ход событий это подтвердит.

Сегодня я могу сожалеть лишь о том, что люди, которые в своей жажде крови не могут насмотреться на войну, к сожалению, находятся не там, где она действительно ведется, и не были там, где раньше шла стрельба.

Шесть недель - черт возьми - 14 дней барабанного боя, и пропагандисты войны повсюду пришли бы к другому выводу. Они всегда говорят о необходимых мировых политических событиях, но не знают военного хода событий. Но я знаю его лучше, и поэтому считаю своим долгом выступить здесь, даже под угрозой того, что поджигатели войны опять увидят в этой моей речи лишь выражение моего страха и симптом степени моего отчаяния.

Почему война теперь должна вестись на Западе? За восстановление Польши? Польша Версальского договора больше никогда не восстанет. Два крупнейших государства на земле гарантируют это.

Окончательное оформление этой территории, вопрос о воссоздании польского государства - это проблемы, которые будут решаться не войной на Западе, а исключительно Россией в одном случае и Германией в другом.

Кстати, даже ликвидация этих двух держав на указанных территориях приведет не к созданию нового государства, а к полному хаосу. Проблемы, которые там предстоит решить, будут решаться не за

столом переговоров и не в редакциях, а в десятилетиях работы. Недостаточно нескольких государственных деятелей, которым в конечном счете безразлична судьба народа, чтобы сесть вместе и принять решение, необходимо, чтобы кто-то, кто сам участвует в жизни этих территорий, взял на себя труд по восстановлению действительно прочного государства.

Способность западных демократий к установлению такого порядка ничем не доказана, по крайней мере, в последнее время. Пример Палестины показывает, что лучше заниматься текущими задачами и решать их разумно, чем беспокоиться о проблемах, которые лежат в сфере жизни и интересов других народов и которые, безусловно, лучше освоены ими. В любом случае Германия не только обеспечила мир и порядок в своем протекторате Богемия и Моравия, но и заложила основу для нового экономического процветания и все более тесного взаимопонимания между двумя народами. Англии предстоит еще многое сделать, прежде чем она сможет рассчитывать на аналогичные результаты в своем палестинском протекторате. Кстати, хорошо известно, что это было бы бесполезно. Погубить миллионы человеческих жизней и сотни миллиардов ценностей, чтобы, например, восстановить образование, которое уже в момент его создания все не-поляки называли выкидышем. Что же еще может быть причиной?

Предъявляла ли Германия к Англии какие-либо требования, угрожающие, например, Британской мировой империи или ставящие под сомнение ее существование? Нет, как раз наоборот. Ни к Франции, ни к Англии Германия не обращалась с подобным требованием. Но действительно ли эта война должна вестись только для того, чтобы дать Германии новый режим? Это означает: снова разрушить нынешнюю империю и, следовательно, создать новый Версаль. Тогда миллионы людей будут принесены в жертву без всякой цели. Потому что ни Германская империя не будет разрушена, ни второй Версаль не будет создан.

Но даже если бы это удалось после трех, четырех или восьми лет войны, то этот второй Версаль в последующий период снова стал бы источником новых конфликтов. Но в любом случае урегулирование

мировых проблем без учета жизненных интересов их сильнейших народов не могло бы закончиться за пять или десять лет на волосок от того, чем закончилась эта попытка 20 лет назад сегодня.

Нет, эта война на Западе не решает вообще никаких проблем, кроме лопнувших финансов некоторых оружейных промышленников и владельцев газет или других международных спекулянтов на войне. Сегодня обсуждаются две проблемы:

1. решение вопросов, возникших в связи с распадом Польши, и
2. проблема устранения тех международных проблем, которые политически и экономически осложняют жизнь народов.

Каковы теперь цели правительства Рейха в отношении упорядочения отношений на пространстве, признанным немецкой сферой влияния к западу от советско-германской демаркационной линии?

1. Создание границы Рейха, соответствующей – как уже подчеркивалось - историческим, этнографическим и экономическим условиям.
2. Упорядочение всего жизненного пространства по национальностям, т.е. решение тех вопросов меньшинств, которые касаются не только этого пространства, но и, кроме того, затрагивают почти все государства Южной и Юго-Восточной Европы.
3. В этом контексте: попытка навести порядок и урегулировать еврейскую проблему.
4. Перестройка транспортной и экономической жизни на благо всех людей, живущих в этом районе.
5. гарантия безопасности всей этой территории, и
6. создание польского государства, которое по своей структуре и руководству дает гарантию того, что не возникнет ни нового источника огня против германского рейха, ни центра интриг против Германии и России.

Кроме того, необходимо немедленно попытаться ликвидировать или хотя бы смягчить последствия войны, т.е. облегчить существующие чрезмерные страдания путем практической работы по оказанию помощи. Эти задачи, как уже подчеркивалось, могут обсуждаться за столом переговоров, но никогда не могут быть решены. Если Европа заинтересована в мире и спокойствии, то европейские государства

должны быть благодарны России и Германии за то, что они превращают этот проблемный участок в зону мирного развития, что они берут на себя ответственность за это и несут соответствующие жертвы.

Для германского рейха эта задача, поскольку она не может быть понята в империалистических терминах, означает оккупацию на 50-100 лет. Оправданием для этой работы Германии служит как политическое устройство этого региона, так и экономическое развитие. В конечном итоге, однако, и то, и другое пойдет на пользу всей Европе.

Второй и, безусловно, самый важный вопрос - это создание не только убежденности, но и чувства европейской безопасности. Для этого необходимо, чтобы

1. должна быть абсолютная ясность в отношении целей внешней политики европейских государств. Что касается Германии, то германское правительство готово дать полное и исчерпывающее разъяснение своих внешнеполитических намерений. Во главе этой декларации оно ставит заявление о том, что Версальский договор рассматривается им как не существующий более, что германское правительство Рейха, а вместе с ним и весь германский народ не видят никакого повода и никакой причины для дальнейшего пересмотра, кроме требования причитающихся и соответствующих рейху колониальных владений, т.е. прежде всего реституции германских колоний. Это требование колоний основано не только на историческом правовом требовании, но прежде всего на элементарном правовом требовании доли в сырьевых ресурсах земли. Это требование не конечное и не требование, за которым стоит насилие, а требование политической справедливости и общеэкономического разума.

2. Требование эффективного развития международной экономики, расширения торговли и транспорта предполагает приведение в порядок внутренних экономик или производств внутри отдельных государств. Для того чтобы облегчить обмен этими продуктами, необходимо, однако, реорганизовать рынки и окончательно урегулировать валютный курс, чтобы постепенно устранить препятствия для свободной торговли.

3. Важнейшей предпосылкой экономического процветания европейской и неевропейской экономики является установление безусловного мира и чувства безопасности между отдельными

народами. Такая безопасность возможна не только при окончательном утверждении европейского статуса, но прежде всего при сокращении вооружений до разумного и экономически целесообразного уровня. Частью этого необходимого чувства безопасности является, прежде всего, уточнение применимости и сферы применения некоторых видов современного оружия, действие которого позволит в любой момент нанести удар в самое сердце другой отдельной страны, оставив после себя постоянное чувство незащищенности. Предложения в этом направлении я уже высказывал в своих прежних выступлениях в рейхстаге. Тогда они были отвергнуты, вероятно, потому, что исходили от меня.

Однако я считаю, что чувство национальной безопасности в Европе появится только тогда, когда в этой области концепция разрешенного и неразрешенного применения оружия будет всесторонне закреплена четкими международными и действующими обязательствами. Как в свое время Женевская конвенция сумела запретить, по крайней мере среди цивилизованных государств, добивание раненых, жестокое обращение с пленными, ведение боевых действий против невоюющих сторон и т.д., и как она сумела помочь этому запрету со временем завоевать всеобщее уважение, так должно быть возможно запретить применение авиации, использование газа и др, подводной лодки, но и понятия контрабанды, таким образом, чтобы война лишилась страшного характера борьбы против женщин и детей и вообще против невоюющих сторон.

Отрицание определенных процедур само собой приведет к ликвидации оружия, которое станет ненужным.

И эта борьба на уничтожение не ограничится материком. Нет, она охватит все моря. Сегодня уже нет островов. И европейские национальные богатства будут разорваны снарядами, а народная сила истекать кровью на полях сражений. Но однажды между Германией и Францией вновь появится граница. Только тогда вместо цветущих городов будут поля руин и бесконечные кладбища.

Г-н Черчилль и его товарищи могут сейчас истолковать эти мои

взгляды как слабость или трусость. Мне нет нужды считаться с их мнением. Я даю это объяснение только потому, что, естественно, тоже хочу избавить свой народ от этих страданий.

Но если точка зрения господина Черчилля и его последователей останется успешной, то именно эта декларация будет моей последней. Тогда мы будем воевать. Ни сила оружия, ни время не смогут победить Германию. Ноябрь 1918 года не повторится в истории Германии. Надежда на дезинтеграцию нашего народа - это ребячество. Может быть, г-н Черчилль и убежден, что Британия победит. Но я ни на секунду не сомневаюсь, что победит Германия.

Судьба рассудит, кто прав. Несомненно только одно: в мировой истории никогда не было двух победителей, а часто только побежденные. Так, мне кажется, было и в последней войне.

Пусть сейчас выскажутся те народы и их лидеры, которые придерживаются того же мнения, и пусть оттолкнут мою руку те, кто вынужден считать, что война - это лучшее решение.

Как лидер немецкого народа и как канцлер рейха я могу в этот момент только благодарить Господа Бога за то, что он так чудесно благословил нас в первой трудной борьбе за наше право, и просить его дать нам и всем другим найти правильный путь, чтобы не только немецкий народ, но и вся Европа могли наслаждаться новым счастьем мира.